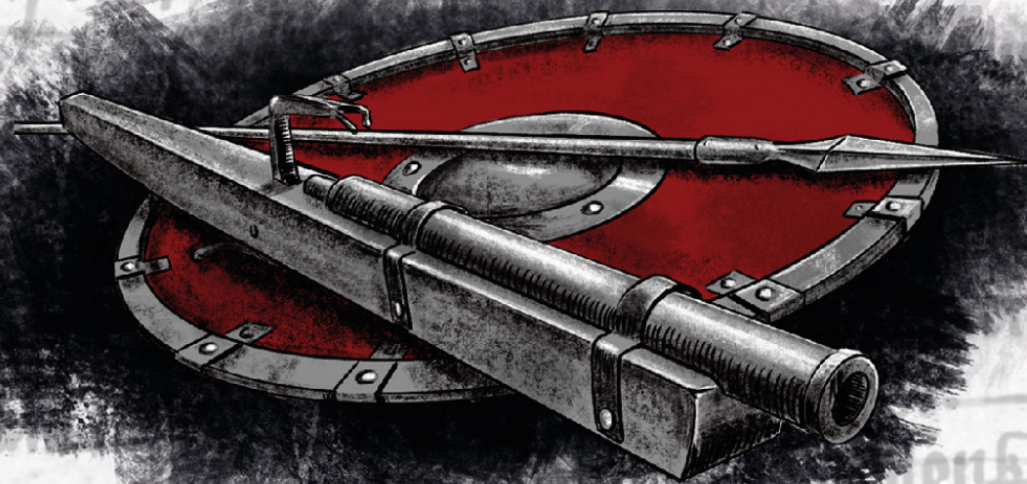

БЕЙ!

КОРСАР ИЗ БУДУЩЕГО

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Пушкарь

Юрий Корчевский

Бей! Корсар из будущего

«Феникс»

2010

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корчевский Ю. Г.

Бей! Корсар из будущего / Ю. Г. Корчевский — «Феникс»,
2010 — (Пушкарь)

ISBN 978-5-222-42004-1

Ураганный фантастический боевик от автора бестселлеров «Пли!», «Огонь!», «Залп!» и «В цель!». Подхваченный водоворотом времени, наш современник унесен в далекое прошлое, чтобы принять бой не только на суше, но и на море. Канонир из будущего становится корсаром Ивана Грозного. Русские пушки бьют точно в цель! «Попаданец» попадет в любую мишень, будь то разбойничьи ладьи, тосканские каравеллы или берберские галеры! Наводи! Целься! БЕЙ!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-222-42004-1

© Корчевский Ю. Г., 2010
© Феникс, 2010

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юрий Корчевский

Бей! Корсар из будущего

Глава I

Однако как у Ксандра ни хорошо, а приживалкой жить не стоит, злоупотреблять расположением купца нельзя. Пора и честь знать.

Я обратился к Александру с просьбой посодействовать.

– С жильем помочь? Избу купить хочешь или на постой определяться будешь?

– Для начала – на постой.

– Найду, сегодня же и решим. Поживи, присмотришь. Понравится тебе город, глядишь – и останешься насовсем.

– Чего наперед загадывать – время покажет.

– Верно.

Александр уехал и буквально через час появился снова:

– Пошли жилью посмотреть.

Изда оказалась неплохой, комната – просторной, дверь замыкалась. Окно выходило во двор, да оно, может, и лучше так. Приятнее на зелень огородную глядеть, чем на забор, что к улице выходит. Далековато от центра, правда. Зато дешево: за проживание и обед – рубль в месяц. На постоялом дворе дороже выйдет. Хозяйка, бодренькая старушка Ефросинья – приветливая.

– Располагайся, барин. Мне не так скучно будет, опять же заработок.

Я отдал авансом рубль. Не приведет меня Александр к мошеннице, человек он порядочный.

Вообще мне с людьми здесь, в средневековой России, везло. Были враги, разбойники, но их сразу видно было, никто не маскировался. Большинство все-таки – порядочные, стержень у людей таких чувствовался, по вере и правде жили. Моральный климат другой, не то что в мое время.

Теперь главный вопрос – заработок искать, дело наладить, в нем купец мне не помощник, не тот профиль.

Для начала я решил познакомиться с самим городом, все-таки я был в нем впервые. Старинный Владимир, бывший столицей русского княжества при многих князьях, тянулся вдоль Клязьмы и стоял на трех холмах. Практически единственная длинная улица – Большая Московская переходила в Дворянскую и тянулась параллельно Клязьме. Почти все церкви и монастыри располагались именно на ней. Обнесенный крепостной стеной город имел несколько ворот, но двое из них меня просто поразили своей красотой – Золотые и Серебряные.

Я долго, почти как современный турист, ходил вокруг Золотых ворот. Золота на них не было, но три полосы меди, опоясавшие ворота, были позолочены и под лучами солнца сияли, как золотые.

Я перекрестился на возвышавшиеся над куполами кресты надвратной церкви и пошел по улице. Была она шире иных московских, однако большинство домов были деревянные. Множество маленьких улиц пересекали центральную и упирались своими концами в городские стены. Храмы, церкви и монастыри завораживали величию – незабываемая мощь, традиционная русская архитектура вселяли надежду на вечность седой Руси, твердыню ее православной Христовой веры. Крепостные стены, выщербленные местами высоко над головой, как боевые шрамы, свидетельствовали о былых жестоких штурмах города.

В общем, за полдня я обошел почти весь город и ноги сбил изрядно. Решил покушать в трактире, познакомиться со здешней кухней. Подкрепился, выпил винца – дрянного, кисловатого. Не иначе – трактирщик водой разводит. И, сидючи за столом, услышал интересный разговор. Рядом сидели трое служивого вида, похоже – подьячие или писари городской управы.

– Дочка-то у наместника болеет, уж что только матушка ее не делала: лекарей лучших звала, травников – даже, прости господи, знахарей, или колдунов.

Второй засмеялся.

– То-то наместник злой ходит. Как появится в управе, то подзатыльник даст, то переписывать грамотки заново заставит.

Дальше разговор пошел о челобитных, и мне стало неинтересно. Похоже, работа сама шла ко мне в руки. Интересно, чем таким хворает дочь наместника? Разузнать бы. А то получится неладно – заявлюсь к наместнику, а сам сделать ничего не смогу. Мало позора будет на мою голову, так еще из города выгонят, батогами побив.

А попрошу-ка я разузнать о недуге дочери наместника Александра. Он местный, связи есть, у него быстрее получится.

Решив так, я направился к дому купца. На мое счастье, он оказался дома.

После взаимных приветствий мы выпили по кубку вина, не в пример вину трактирщика довольно неплохого. Потом Александр спросил:

– С чем пожаловал?

– Нужда привела.

– У тебя денег полмешка, а ты про нужду.

– Я не о деньгах. Невзначай, сам того не желая, услышал разговор в трактире – о том, что дочь наместника больна.

– Эка новость! О том полгорода знает.

– Чем больна?

– Вот уж не знаю, – развел руками купец. – Знаю только – лекари известные ее пользовали, только без толку. Высек их саморучно наместник за бестолковость, крут он у нас. Три года, как государем поставлен на город. Раньше, говорят, воеводой был, оттого и подчинения требует беспрекословного. А еще слыхал, при кромешниках в опале он был, с семьей в селе захудалом на северах проедался. Демьяном Акинфиевичем звать. Ты нешто к нему собрался?

– Попробую. Где его найти?

– Известно где – дома али в управе. Только не допустят к телу. Домой только близких или родню слуги пускают, а в управе сначала к писарю или столоначальнику попасть надо, потом, коли дело важное, – к подьячему, затем – к дьяку. Ну а если без самого – никак, то уж только тогда...

– М-да, не проще, чем в ЖЭКе.

– Это что такое?

– Не бери в голову, пустое. Дом-то его где?

– Где ему быть – на Ивановской, там всяк покажет.

– Ну спасибо, выручил.

– Все же идти решил?

– Наведаюсь.

– Смотри, я тебя предупреждал.

Мы тепло попрощались, и я направился к своему жилью. Хозяйка всплеснула руками.

– Да где ж ты ходишь, родимый? Уж и обед твой простыл. Договаривались же – с обедом постой.

– Извини, хозяйка. А обед я по-любому съем, кушал уж давненько.

Хозяйка усадила за стол, расторопно накрыла. Готовила она неплохо, но зелени, специй – маловато. Как-то пресно здесь готовят. Это я еще в трапезной приметил. В супе – домашняя

лапша да морковь. Ни петрушки тебе, ни укропчика, ни корешочка хрена, хотя, конечно, зима на дворе. Но сохраняли же как-то хозяйки в других местах зелень до самой весны.

Отобедав, я снял сапоги и улегся в постель. Хорошо! От печки теплом тянет, за окном – ветер холодный свистит, в трубе завывает. Плохо в такую погоду путнику – холодно, снегом дорогу переметает, а то и вовсе заносит. Заблудишься – быть беде.

Я размышлял, как мне попасть в дом наместника. Слуги могут и вовсе сразу взащей выгнать – хозяин и не узнает, что лекарь приходил. А вот как! Я аж приподнялся в постели от осенившей меня мысли. Он же из управы как домой добирается? Коли воевода бывший, то наверняка верхом, не в санях крытых, прозываемых кибиткой. Пешком ходить – не по чину, уважения должного не будет. Только и делов, что подождать неподалеку от ворот его возвращения со службы.

Так и сделал. Дом наместника нашел быстро – прохожие показали. Правда, один из них, приняв меня за просителя, посоветовал:

– Не ходи домой, слушать не будет. Слуги побьют да вытолкают взащей.

Я встал наискосок от ворот, по левую руку от Большой Московской. От управы дорога сюда одна, и воевода мимо не проедет.

Ждать пришлось долго, и когда уже начало сереть, в преддверии скорого наступления ночи, появился наместник. Впереди на коне скакал с факелом воин, за ним – наместник, и замыкал кавалькаду еще один воин с факелом. Все были при саблях. Промелькнуло опасение – брошусь к воеводе, примут за лазутчика какого да снесут башку, не разбираясь.

Всадники остановились у дома, и воин с факелом плетью постучал в ворота. Самое время действовать, а то откроют ворота, въедет кавалькада – прощай день бесполезного ожидания на морозе.

Я бросился к воеводе. Второй воин насторожился, положил руку на рукоять сабли.

– Демьян Акинфиевич! Не вели казнить, вели слово молвить!

Воин сзади убрал руку с сабли, зато приготовился пустить в ход плеть.

– Кто таков будешь? Почему ко мне домой?

– Лекарь я, о горе твоём прознал, помочь хочу.

Воевода помолчал немного.

– Назовись!

– Кожин, Юрий.

– Не слыхал про такого! Не местный, что ли?

– Из Пскова.

– Вот что, сейчас поздно уже, приходи завтра, после заутрени. Я слугам накажу – пропустят. Но смотри мне, – грозно изрек наместник, – сам вызвался помочь, сам и отвечать будешь.

– А помогу коли?

– Видно будет.

Воевода и воины въехали в открывшиеся ворота, а я с легким сердцем побежал к Ефросинье. Дела делами, а коню корм задать надо.

Утром слегка перекусил, почистил как мог кафтан, надел тулуп и пошел к дому воеводы. Конечно, лучше бы не тулуп надеть, а шубу – куда бы как представительней смотрелся, но не было у меня шубы.

Дойдя до дома воеводы, постучал в ворота. Почти тут же распахнулась калитка, выглянул здоровенный бородатый мужик в суконном кафтане, презрительно меня оглядел и процедил:

– Чего тебе, лапотник?

– Я лекарь, воевода вчера говорил – дочку посмотреть.

– Ты – лекарь? А ну-ка пшел прочь отсюда, пока плетей не получил!

В подтверждение своих слов привратник показал плетку-семихвостку. Штука серьезная, на концах ремешков подшиты свинцовые шарики. Такая может и калекой оставить.

Я развернулся и отправился восвояси. Нет так нет, как говорится – на нет и суда нет. Перебьемся как-нибудь.

Раздосадованный, я вернулся домой в плохом настроении. На улице холодно, идти куда-то не хотелось. Я разделся и улегся в постель.

Около полудня в ворота постучали. Хозяйка оделась, пошла открывать. Я даже ухом не повел. Кто ко мне прийти может? Разве только Александр?

Распахнулась дверь, в клубах морозного пара стояли хозяйка и служивый.

– Ты, что ли, лекарь будешь?

Я встал с постели.

– Я.

– Воевода прощения просит за оплошность слуги. Мне тебя сопроводить велел.

– Как же ты меня нашел?

– Люди подсказали.

Я начал одеваться, обдумывая – какие такие люди подсказать могли, когда, кроме хозяйки и купца, меня никто не знает?

Собрался быстро, и мы вышли на морозную улицу. У ворот стоял всадник, держа в руках поводья двух оседланных лошадей. Ишь ты, как воеводу зацепило!

– В седле удержишься?

– Не впервой.

Мы с посыльным вскочили в седла и с места рванули в галоп. Сытые кони несли резво, и через пару минут, распугивая редких прохожих, мы уже были у дома воеводы. Посыльный распахнул калитку, пропустил во двор. Я сделал несколько шагов и застыл от изумления.

На бревне лежал обнаженный до пояса человек. Приглядевшись, я узнал привратника. Рядом стоял служивый и плеткой лупил что есть мочи по спине. На коже вспухали багровые рубцы.

– Иди-иди, не задерживайся. По заслугам привратник получает.

На мой взгляд – жестковато, а впрочем – предупреждал же меня купец, что крутоват, суров и грозен воевода.

Едва мы с провожатым зашли в сени, как подскочил слуга, принял у меня с поклоном тулуп и попросил следовать за ним. Воин остался у входа, в сенях.

Поднявшись на второй этаж, слуга постучал в дверь, дождавшись ответа, распахнул передо мной створку двери. Я вошел и огляделся. Комната большая, полы и стены – в коврах. На кровати лежит девушка, рядом на стуле – боярыня, в домашнем сарафане без украшений. На голове – кика.

– Здравствуйте, я лекарь, звать Юрием.

Боярыня оглядела меня с ног до головы, видимо, осталась удивленным довольна, потому как улыбнулась и попросила подойти.

– Вот, кровиночка наша занедужила. Уж почитай годик. Никто вылечить не может. Мы уж и травников приглашали, и лекарей. Даже батюшка наш заморского лекаря привозил за большие деньги. Только не помог никто.

Боярыня пустила слезу.

Я приступил к осмотру.

– А сколько тебе лет?

– Осьмнадцать.

Хм, выглядит она моложе. Телосложение правильное, да живот великоват, а при пальпации – внизу живота опухоль прощупывается довольно немаленьких размеров – с небольшой арбуз.

Я начал расспрашивать девушку, что ее беспокоит, и возникло у меня подозрение на опухоль яичника. УЗИ бы сейчас, и все вопросы можно было бы снять.

– Замуж ей пора, да квелая она, кто же болящую возьмет? Сынок у нас да вот доченька. Здоровенькой росла, а как вошла в девичью пору, так и занедужила.

Чем больше я слушал жалобы, тем больше у меня крепло убеждение, что девушка больна по-женски. В свое время я просто направил бы ее к гинекологу и забыл про нее. А к кому ее здесь направишь, коли с высшим медицинским образованием я, почитай, один на всю Россию. Придется самому за гинекологию браться, тем более отступить поздно – сам вызвался.

Эх, сейчас бы книжки почитать медицинские, осветить в памяти топографическую анатомию и оперативную хирургию. Не занимался я этим разделом медицины, а после института уж сколько лет прошло. А память штука интересная – если не пользуешься знаниями, то мозг сбрасывает ненужную информацию в подсознание до поры. Это как в компьютере: убрал файл, а он в корзине, можно и назад вернуть – на «рабочий стол».

Сейчас вместо институтов академии да университеты. Преподают на более высоком уровне, чем нам, только все равно приобретенный с годами работы опыт – «сын ошибок трудных» – не заменишь ничем. К тому же и студенты нынешние не отличаются усердием, встречался я с ними, когда они на летнюю практику приходили, – зачеты за деньги сдают, по благу. Интересно, у операционного стола что такие «эскулапы» делать будут?

Ладно, это я отвлекся, наболело.

– Вот что, матушка-боярыня. Девочке твоей операцию делать надо, внутри у нее опухоль выросла.

– Какая такая перация? Слыхом не слыхивала. Я сейчас мужа позову – ему объяснишь, вдвоем решайте.

Боярыня ушла и вскоре вернулась, но одна.

– Пойдем со мной, трапезничает наш хозяин, там поговорите.

Я пошел за боярыней. Трапезная была на первом этаже, рядом с кухней.

Была она обширна, судя по столам и лавкам – человек семьдесят поместится, не толкая друг друга локтями. В торце центрального стола восседал в гордом одиночестве воевода. Перед ним стояли серебряные блюда, кувшины и кубки с едой и напитками.

Боярыня села от воеводы на почетное место – по левую руку, я же остался стоять, только подошел поближе.

– Ну, лекарь, сказывай.

– У дочки твоей опухоль в животе, надо живот резать и лишнее убирать.

– Да ты в своем уме ли? Это же больно! Слабенькая она, не выдюжит.

– Если не делать ничего, угаснет она вскорости. А коли Господь поможет, так после операции на поправку пойдет, расцветет, замуж выйдет, внуков вам нарожает.

Воевода отшвырнул недоеденную куриную полть, повернул голову к боярыне.

– Боязно за дочь, Евпракся.

– Ой, не знаю, что и делать, на что решиться, – заголосила боярыня.

Воевода хлопнул по столу ладонью, решительно поднялся.

– А дочь выживет?

– Душой кривить не буду – надежды невелики, но без операции – никаких.

– Обрадовал ты меня, лекарь, нечего сказать, – угрюмо насупился воевода.

Но воевода не был бы таковым, коли не умел бы принимать решений при жестоких ударах судьбы.

– Если делать, то когда?

– Завтра же и возьмусь, чего тянуть?

– И правда. Как ни тяжело, а надо попробовать. Сделаешь все, что можешь, способен на что, выздоровеет дочь – озолочу. Умрет – пеняй на себя, сам назвался. Что от меня нужно?

– Воды теплой, холста беленого, мягкого поболе, и чтобы никто не мешал. Стол еще.

– Завтра все будет. Еще?

– Тяжко ей будет после операции, пригляд лекарский постоянно нужен – хотя бы на неделю.

– Разумеется – комнату рядом выделю, кормить тебя будут. Еще?

– Вроде все.

– Не должно быть «вроде».

– Тогда все.

– До завтра, с Богом.

Я вышел, в сенях слуга накинул на меня тулуп.

В задумчивости я брел домой. Может, зря взялся за столь сложное дело? Конечно, по работе мне приходилось экстренно оперировать и гинекологических больных, особенно после аварий и катастроф. Но онкогинекология – совсем другая область, со своей спецификой.

Я глубоко вздохнул. К черту сомнения, в это время все равно никто лучше меня не знает и не сможет помочь – это уж точно. Ситуация просто такова: не сделать – смерть, сделать – какой-то шанс есть. Единственное, что я потеряю в случае неудачи, – моя собственная жизнь. Не простит мне воевода неудачи, и ладно, если просто повесит или голову снесет, так еще ж и помучить может. Понятно, не сам свершит – слуг у него полно, а время сейчас жестокое. Для палача кожу с живого содрать – как в носу поковырять. А посему – надо очень стараться.

Придя домой, я съел все, что приготовила на обед хозяйка, – вернулся аппетит. К вину не прикасался – надо иметь голову трезвую и руки ловкие.

Ближе к вечеру пошел домой к купцу – сообщить, что завтра операция. После нее – неделю у воеводы буду жить, и сомнительно, что меня в это время выпустят в город. Я, собственно, и пришел к Александру затем, чтобы сказать: коли не вернусь через десять дней или раньше купец услышит про меня неладное, пусть коня моего себе заберет, а деньги – сыну отправит во Псков, коли по пути будет.

Александр заверил меня, что все выполнит в точности.

Немного успокоенный, я вернулся домой. Уснул быстро. Проснувшись утром, понял, что волнуюсь. Странно, шведского короля оперировал – и то такого волнения не было. Старею, что ли?

Добравшись до дома воеводы, я поздоровался с боярыней и дочкой наместника. Ее, кстати, звали Ксенией.

Осмотрев стол, я подтянул его к окну. К моему удовольствию, в переплеты были вставлены стекла, а не слюда. Яркое светило солнце, отражаясь от снега, и в комнате было светло.

Я попросил боярыню уйти. Та поджала губы и с неудовольствием вышла.

Ксения разделась и улеглась на стол. Крепкие столы делали раньше – не скрипнул, не шелохнулся. Знамо – из дерева сделан, не из опилок.

Я напоил Ксению настоем опия. Пока он медленно начинал действовать, вымыл руки и разложил инструменты. Пора.

Я вытянул перед собой руки – не дрожат ли пальцы? Нет, нервы в порядке. Сделал первый разрез, а потом отключился от окружающего. Прошил сосуды кожи, клетчатки. Расширил разрез. Передо мной открылась опухоль – большая, округлая, красно-сизого оттенка. Черт, как неловко – нет удобного доступа к ножке опухоли.

Вообще-то опухоль внушала некоторые надежды. Во-первых, подвижна, что является хорошим признаком – не проросла в окружающие органы, во-вторых – ножка есть, через которую проходят сосуды, питающие опухоль, – их прошить и пересечь легче. В-третьих, опухоль овоидная, как яйцо, что чаще бывает при доброкачественных образованиях. Раковые опухоли быстро прорастают границы органа, где появились. Форма их неопределенная – во все стороны растут, как кляксы, внешне – белесоватые.

У меня по ходу операции медленно повышалось настроение. Все – выделил опухоль, вытащил из живота, положил рядом с телом девушки. Осмотрел живот – нигде не кровит. Стало быть – пусть пока полежит так.

Я переключился на опухоль. Осмотрел ее снаружи, потом рассек ампутационным ножом и чуть не вскрикнул от радости. Внутри опухоли было сало, волосы – даже какие-то плотные фрагменты, напоминающие костные. Так это же тератома, или дермоидная опухоль. Образование доброкачественное, врожденное, но расти обычно начинает с наступлением периода полового созревания, поскольку исходит из яичников.

Фу! Я испытал облегчение. Если бы это был рак, пришлось бы делать более обширную операцию – удалять лимфоузлы, а может быть, и некоторые близлежащие органы.

Кстати, даже в современных больницах технология такая же. При операции удаленную часть или орган относят к патологоанатому или гистологу на срочное исследование, и пока оно выполняется, хирурги ждут заключения. От вердикта коллег зависит – зашивать ли операционную рану или продолжать операцию.

Понятно, что никакого патологоанатома или гистолога тут не было. Но я получил огромное облегчение – все-таки опухоль не злокачественная. Я сделал ревизию брюшной полости – нет ли кровотечения, в каком состоянии другие органы? И со спокойной совестью ушил рану. Все!

Перевязав Ксению, я перенес ее на кровать. Сел на стул, холстиной обтерся. В доме было тепло, но не жарко, а я – весь мокрый от пота. Ксения стала отходить от опия, застонала.

– Потерпи, девочка, будет больно, но все плохое уже позади. Вскорости ходить станешь, с подругами на посиделках песни петь, замуж выйдешь, деточек нарожаешь, и все у тебя будет хорошо. А сейчас крепись, больно – я понимаю, но это пройдет.

Я вышел в коридор, желая поговорить с боярыней, да ее и искать не пришлось. Слуги поставили ей стул, и она маялась в коридоре рядом со спальней дочери, превратившейся в одночасье в операционную.

– Все, матушка, самое тяжелое и худшее позади. Удалил я болячку. Пройдет неделя, заживет живот, и будет дочка твоя веселее и краше, чем до болезни.

Реакция боярыни меня удивила. Она бухнулась передо мной на колени и стала целовать руки.

– Ты что, боярыня, окстись! Не ровен час – прислуга увидит.

– Да плевать мне на холопов – дочка намаялась, и я с ней. Каждый день таяла. Я уж в отчаяние впала, в церковь каждый день ходила у Бога исцеления просить. Да видно – грехов много, не внимал Господь.

– Неправа ты, матушка. Встань, будь ласкова. Услышал Господь твои молитвы, раз меня к дочери твоей привел. Моими руками ее исцелил.

– А и правда! Услышал Господь!

Боярыня снова упала на колени, стала истово креститься.

– Можно мне ее увидеть?

– Дозволяю, но недолго. Тяжко сейчас ей, больно. Но слово даю – через неделю вместе с вами за одним столом трапезничать будет.

– Слава Богу! Сподобил Господь!

Мы прошли в спальню Ксении. Она была бледна, но, завидев матушку, слабо улыбнулась.

– Жива я, матушка! Лекарь обещает – здорова буду, замуж выйду, деток рожу.

– Счастье-то какое!

Боярыня заплакала.

– Все, все. Ксении сейчас поспать надо, отдохнуть. Чего мокреть разводить. Радоваться сейчас надо. А к вечеру куриным бульоном дочь попотчевать.

– Сейчас распоряжусь.

Боярыня взяла себя в руки, вышла из спальни.

Вышел и я. Однако где же комнатка, что мне отвели? Я прошелся по дому и, к своему удивлению, не обнаружил ни одного слуги.

Выглянул в окно. Да они все во дворе стоят, озябли уже на морозе. Воевода слишком прямолинейно понял мою просьбу, чтобы никто не мешал, и попросту распорядился всем выйти из дома. Я засмеялся. Он что, настолько солдафон или так сильно любит дочь? А ведь при неблагоприятном для Ксении исходе угрозы воеводы были абсолютно реальны. Умри его дочь на столе, я бы не дожил и до вечера. По спине пробежал холодок.

Я вышел на крыльцо.

– Все прошло успешно, можно вернуться в дом, и молитесь все во здравие Ксении.

Толпа слуг дружно упала на колени и стала истоиво креститься. Потом потянулись в дом, в тепло.

Ближе к сумеркам домой заявился воевода. В доме сразу засуетились, забегали. Через некоторое время слуга известил, что наместник меня ждет.

Я спустился в уже знакомую трапезную. Воевода вкушал после трудового дня. На сей раз он предложил сесть.

– Что скажешь, лекарь?

– Сейчас покажу.

Я поднялся наверх, взял замотанную в холстину удаленную опухоль, спустился вниз, положил на стол и развернул тряпку. Воевода перестал есть, подошел поближе.

– А это что?

– То, что было в животе у твоей дочери, и то, что я вырезал. Как заживет рана, она будет здорова.

Наместник изменился в лице, побледнел, похоже – ему стало дурно. Он бухнулся на стул, приказал:

– Дай вина!

Я налил в кубок вина, подал. Наместник жадно осушил кубок.

– Бедная девочка, носить в себе эту дрянь! Как она себя чувствует?

И только я открыл рот, как он поднялся:

– Не отвечай, я сам посмотрю.

Быстрыми шагами наместник направился по лестнице к комнате дочери.

Ксения не спала, на лбу ее была видна испарина. Плохо ей сейчас, но ведь после операции прошло всего несколько часов. И более крепкие люди, дюжие, здоровенные мужики, расплазались, как кисель, после операции. Но девочка держалась, даже улыбнулась отцу.

Я вышел. Пусть поговорят наедине.

Через несколько минут наместник вышел, вернулся в трапезную. Снова подошел к удаленной опухоли, посмотрел с отвращением. Неожиданно для меня взял сверток в руки, подержал, опустил на стол.

– Фунтов пять-шесть? Как думаешь?

– Похоже на то.

– И откуда эта дрянь берется? Ты откель такой резвый здесь взялся? Что-то раньше я о тебе не слышал.

– Из Пскова.

– Чего убег?

– Не убег, сам уехал. Не хочу о том.

– Твое дело. Садись со мной, отметим.

– Не могу, за ней сейчас присмотр нужен.

– Ну один-то кубок вина разум не затуманит. Небось, не каждый день у наместника за столом сидишь.

– Твоя правда, Демьян Акинфиевич.

– Давай за Ксению! Чтобы выздоровела.

Мы выпили, наместник показал рукой на еду:

– Угощайся.

Я не заставил себя упрашивать – наелся.

Наместник выпил еще.

– Ты где научился лекарскому делу?

Ага, так я тебе и сказал, что только через четыреста с лишним лет окончу медицинский институт. Конечно – соврал:

– В Париже, у лучших медикусов.

Наместник покачал головой.

– Умеют же – не то что наши лапотники.

Я чуть не засмеялся.

– Ладно, будет еще время поговорить. К дочери ступай.

Я вернулся в спальню Ксении. Она уже спала. Осмотрев повязку, пощупав пульс и не найдя поводов для беспокойства, вышел в коридор. Здесь меня уже ждал слуга – проводил в соседнюю комнату, отведенную мне на время ухода за Ксенией. Спросил, что подать к столу.

Есть я уже не хотел и сразу лег спать. Дома бы беспробудно спал до утра, но здесь внутренний будильник уже через три часа разбудил меня. Проведав больную, я опять прилег. Ночью еще дважды вставал и проверял состояние больной.

Так – в заботах и перевязках – прошла неделя. Муторно, обыденно, но выхаживание пациента после операции – едва ли не половина успеха.

Настал день, когда я с легким сердцем снял швы.

– Ну, Ксения, на том будем прощаться. Тяжелого не поднимай, плясать можно будет через месяц – не ранее. Через недельку загляну, проведаю. Будет плохо – пусть багюшка за мной пришлет.

– Спасибо, Юрий. Я уже хорошо себя чувствую – как раньше.

– Не забудь на свадьбу пригласить.

– Какая свадьба – у меня даже жениха нет.

– Будет, появится вскорости. Хворала ты сильно – о том все знали, а кому жена больная нужна? Ты теперь в свет выйди, в церковь сходи. Пусть все видят, что здорова ты. Вот женихи и объявятся. Девка ты красивая, подточила тебя болезнь немного – да это дело поправимое. Икру поешь да фруктов. Через недельку румянец на щеках заиграет – парни глаз не отведут.

– Да ну тебя! – Ксения засмушалась.

Я поклонился и, забрав сумку с инструментами, вышел из дома. Завидев меня, слуга кинулся открывать ворота. Так и должно быть – встречают по одежке, провожают по уму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.